

Истории из моего блокнота

Вспомнить эту историю заставила меня недавно вышедшая в Санкт-Петербурге книга «Легенды и мифы о Пушкине», в одной из статей которой, посвященной весьма необычной мистификации, четырежды упоминается мое имя.

Я не знаю, что чувствовали бы вы, сидя за столом, сделанным лично Петром I, и держа в руках книгу из библиотеки Пушкина с его автографом, прежде никому не известным. Скорее всего, радость, может быть, даже восторг. Я же находился в состоянии, близком к обмороку. Причиной тому была не только моя врожденная восторженность. В самом деле — часто ли простой советский человек, да еще только что поселившийся в столице, становится одним из реликвий национального значения?! А в том, что это именно так, я не сомневался, ибо сидел в квартире автора находки, вызвавшей сенсацию в пушкинистике: я был гостем А. А. Раменского, московского пенсионера, у которого в 1963 году Пушкинский дом приобрел обнаруженный им в своей библиотеке том первого русского издания романа Вальтера Скотта «Айвенго». На страницах книги находилось несколько неизвестных автографов и рисунков Пушкина: фрагмент одной из строф «Евгения Онегина», стихи из «Русалки», мужской профиль, виселица с казненными декабристами...

Такие открытия в нашем столетии, пожалуй, не случались.

Т. Г. Цявловская, что называется, по горячим следам записала рассказ владельца уникальной книги о ее истории. Затем потрепанный и сильно испачканный маслом и керосином томик тщательно отреставрировали в Институте марксизма-ленинизма. Авторитетнейшие текстологи С. М. Бонди и та же Т. Г. Цявловская прочли автографы и удостоверили пушкинскую руку. Работая над книгой «Берег, милый для меня», я включил в нее историю «мологинской находки» — книга с пушкинскими автографами, по словам А. А. Раменского, подаренная его прадеду Пушкиным, обнаружилась именно в селе Мологино, где семья эта учительствовала многие десятилетия.

Потом был звонок. Антонин Аркадьевич сказал, что прочитал мою книгу и что она ему понравилась, а посему он хотел бы познакомить меня с материалами из своего архива, которые значительно расширят представление о связях Пушкина с Тверской губернией.

Я чуть ли не бегом прибежал в Грохольский переулок, в уютную квартирку, сплошь заставленную книжными полками. И здесь на меня обрушилось такое, что все происходящее показалось волшебным сном в пещере Али Бабы. Стол, за который усидели меня гостеприимные хозяева, смастерил, как уже было сказано, Петр Великий. Вскоре на этом столе появилось неизвестное прежде письмо Пушкина! Следом за ним — автограф Радищева и авторский том «Истории государства Российского»!

...Возвращаясь домой тем вечером, я уносил с собой, не веря, что это действительно так, роман А. П. Степанова «Постоялый двор» с владельческой надписью Пушкина. Тот самый томик, что, по рассказу Раменского, подари-

рен поэтом семье Муравьевых, побывал в Сибири, а в 1863 году был преподнесен Муравьевым-Апостолом в Твери учителю П. Ф. Раменскому.

На другой день я принес книгу в редакцию журнала «Юность», где в то время работал, и показал Борису Николаевичу Полевому. Он взял ее осторожно, словно боялся повредить, долго рассматривал, потом поцеловал надписи и сказал:

— Спасибо, старик. Никогда не забуду. Ведь это же Пушкин своей рукой написал...

Мои визиты к Раменскому стали между тем регулярными: Однажды, рассказывая о своих предках, Антонин Аркадьевич показал мне опись семейного архива. Я опять едва не отключился: здесь среди авторов писем, мемуаров, записок значились Болотов, Новиков, Радищев, Карамзин, Пушкин, Жуковский, Лажечников, Кипренский, Герцен, Бакунин, Левитан, Войнич, Степняк-Кравчинский, Чернышевский, Фрунзе... Кроме того, в перечне были редкие

добного рода. Азарт поиска захватил меня. Несколько остудила его беседа с Н. Я. Эйдельманом, который одобрял мои пушкинские опыты.

Он спросил:
— Это правда, что вы занимаетесь архивом Раменских?

— Правда, — ответил я не без гордости.
— Будьте осторожнее, Алексей Степанович, — сказал Натан Яковлевич. — Уж слишком много там громких имен. Слишком много для семейного архива. Именно поэтому отказался я от заманчивого предложения...

Слова его были для меня как гром среди ясного неба: значит, не мне первому открыл Раменский свои «закрома»? А если Эйдельман не считал возможным заниматься этим собранием, то, стало быть, причины тому серьезные и тут надо ухо держать востро. По крайней мере не торопиться с новыми публикациями.

Однажды во время очередной встречи Антонин Аркадьевич предложил мне написать в соавторстве с ним книгу о династии тверских просветителей Раменских. Я давно уже чувствовал, что дело идет к этому, и сказал, что согласен, но при одном непременном условии: все документы, письма, мемуары, на которые мы будем ссылаться, должны быть только в подлинниках. Он согласился, но сказал, что

это потребует времени...

Больше он мне не звонил. Прошло несколько лет. Однажды от знакомых узнал я, что Антонин Аркадьевич умер.

И вот теперь — эта интереснейшая петербургская книжка. Статья «История одной мистификации». Ее автор Т. И. Краснобородько, не оробев перед непререкаемыми авторитетами нашей пушкинистики, приводит достаточно убедительные аргументы, доказывающие, что записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго» не имеют никакого отношения к поэту, они сфальсифицированы. Одним словом — липа. Более того, липа уникальная, ибо это (по утверждению автора) — первая известная нам сознательная подделка пушкинского почерка.

Вот такая история. Фигурируют в ней, как уже сказано, и мои публикации, посвященные архиву Раменских и «мологинской находке». Работы эти в какой-то мере помогли сенсационной находке закрепить «права гражданства». И ежели автографы на томике «Айвенго» действительно всего лишь талантливая подделка...

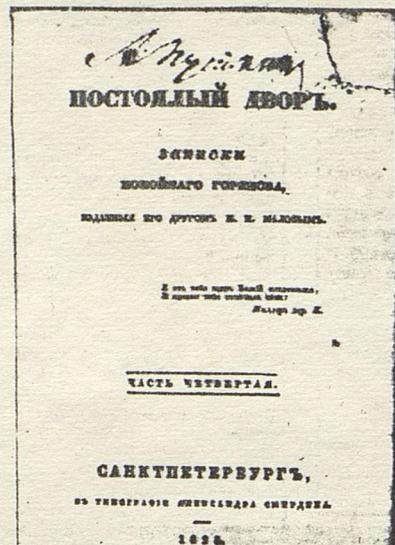
Впрочем, не станем торопить события, которые, возможно, помогут когда-нибудь разгадать загадку семейного архива Раменских. А она, эта загадка, существует. Слишком уж велики масштабы «фальсификации», если иметь в виду копии 10 тысяч писем, многих сотен рукописей, старинные манускрипты... Для того чтобы «забить баки» профессионалам и выпотить из небытия династию заурядных учителей, хватило бы и нескольких десятков подделок. Да и потом, далеко не все в этом странном собрании было в копиях. Встречались подлинные документы, уникальные издания. До недавнего времени к ним однозначно относили и томик «Айвенго», наделавший в свое время столько шуму и принесший столько радости всем, кто любит Пушкина.

Не могу похвастаться тем, что разгадал эту загадку. Но ключик к ней я, кажется, нашел. Однако это — уже совсем другая история, требующая не газетной заметки, а, пожалуй, книги. Так что, может быть, еще осуществятся мои честолюбивые мечты.

Алексей ПЬЯНОВ

180г. Москва. - 1995. - 6 июля. - с. 3. Разбитые мечты,

Или загадка одной мистификации

Титульный лист книги «Постоялый двор» с автографом А. С. Пушкина.

книги — рукописные и старопечатные, периодические издания XVIII—XIX веков, несколько десятков листов рукописей Пушкина! А общее число материалов и изданий превышало 20000!

Увы, судьба архива и библиотеки, как рассказал мне Антонин Аркадьевич, оказалась печальной: они погибли во время войны. Остались лишь «Акт», составленный комиссией, принимавшей дар, копии значительного количества писем, несколько книг. Все это он и предоставил мне, чтобы использовать в новом издании моей книги о пушкинских местах Верхневолжья, в главе, посвященной Раменским. Не дожидаясь, когда выйдет книжка, я опубликовал сообщение о погибшем собрании и несколько фрагментов уцелевших копий. Это была первая печатная информация об архиве Раменских и его судьбе.

Не скрою, я был горд этими публикациями и мечтал о новых открытиях, хотя порой посещали меня сомнения: не слишком ли много сенсационных материалов льется ко мне в руки? Но я был молод тогда, малоопытен в делах по-